

ПОЛИТОТДЕЛЫ МТС КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЧЕРНОЗЕМНОМ ЦЕНТРЕ РОССИИ (1933–1934 ГГ.)

**Николай Анатольевич
Зайцев**

Липецкий государственный педагогический
университет им. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия, nikolay.zaytsev1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4111-7876>

Аннотация. В работе автор предпринял попытку анализа деятельности политотделов МТС и совхозов в свете мероприятий по модернизации аграрного производства Центрального Черноземья, одного из ключевых зернопроизводящих регионов СССР. Отмечается, что важнейшей темой в фокусе внимания работников политотделов была проблема подготовки тракторного парка к весеннему севу и уборочной кампании. Отношение к технике в советской деревне того периода было строго потребительским. Низкий уровень квалификации механизаторских кадров, а также плохое качество тракторной техники приводили к частым поломкам и простоям. Политотделы стремились повысить уровень знаний механизаторов через организацию агротехнической учебы, однако кратковременные курсы мало меняли ситуацию. Каждый политотдел сталкивался с нехваткой запчастей. Отдельной задачей являлся капитальный ремонт двигателей, которые не отличались надежностью. По-прежнему большую роль в проведении основных агротехнических операций играли лошади и другое тягло. Однако среди животных наблюдался большой падеж. Высокая смертность животных являлась следствием сплошной коллективизации и слома в психологии частного собственника. Политотделы отмечали массовый отток механизаторов из колхозной деревни. Для удержания трактористов использовались стимулы материального характера, которые приводили к положительным результатам. Одновременно с этим политотделы должны были воспитать в колхозниках послушание и стремление во чтобы то ни стало выполнить «первую заповедь» колхозной жизни, пресекая желание директоров колхозов авансировать часто голодающих крестьян. В результате политотделы смогли решить краткосрочные задачи по выведению аграрного сектора советской экономики из кризиса, обеспечив своевременные хлебопоставки в государственные фонды.

Ключевые слова: политотделы МТС, модернизация, механизаторы, трактористы, колхозы, падеж скота.

Для цитирования: Зайцев Н. А. Политотделы МТС как фактор модернизации аграрного производства в Черноземном Центре России (1933–1934 гг.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 140–149. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-140-149>

Сведения об авторе: *Н. А. Зайцев* – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, Институт истории, права и общественных наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, г. Липецк, улица Ленина, 42

Scientific Article
UDC 94(47).084.6
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-140-149>

**POLITICAL DEPARTMENTS OF THE MACHINE
AND TRACTOR STATION AS A FACTOR
IN THE MODERNIZATION OF AGRICULTURAL
PRODUCTION IN THE CENTRAL BLACK EARTH
REGION OF RUSSIA (1933-1934)**

Nikolay A. Zaitsev

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia, nikolay.zaitsev1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4111-7876>

Abstract. In this paper, the author attempts to analyze the activities of the machine and tractor station political departments and state farms in the light of measures to modernize the agricultural production of the Central Black Earth Region, one of the key grain-producing regions of the USSR. It is worth noting that the most important issue in the political departments employees' focus of attention was the preparing the tractor fleet for spring sowing and the harvesting campaign. The consumer attitude towards vehicles in the Soviet countryside, the low level of qualification of machine operators, as well as the poor quality of tractor equipment, led to frequent breakdowns and downtime. Political departments sought to improve the knowledge level of machine operators through the organization of agrotechnical training, but short-term courses made little difference to the situation. Every political department faced a shortage of spare parts. A separate task was the overhaul of unreliable engines. Horses and other draft-cattle still played an important role in carrying out basic agricultural operations. However, there was a monstrous death rate among the animals. The high mortality rate of animals was a consequence of continuous collectivization and the breakdown of the psychology of the private owner. Political departments noted a massive outflow of machine operators from the collective farm village. However, the introduction of material incentives kept tractor drivers in their jobs. At the same time, the political departments had to instill in the collective farmers obedience and the desire to fulfill the 'first commandment' of collective farm life at all costs, suppressing the desire of collective farm directors to advance payments to the often starving peasants. As a result, the political departments were able to solve short-term tasks to bring the agricultural sector of the Soviet economy out of the crisis by ensuring timely grain supplies to state funds.

Keywords: machine and tractor station political departments, modernization, machine operators, tractor drivers, collective farms, loss of cattle.

For citation: Zaitsev, NA 2026, 'Political Departments of the Machine and Tractor Station as a Factor in the Modernization of Agricultural Production in the Central Black Earth Region of Russia (1933–1934)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 140–149, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-140-149> (in Russ.)

Information about the Author: *Nikolay A. Zaitsev*, – PhD student Department of National and World History, Institute of History, Law and Social Sciences, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 42 Ulitsa Lenina Str., Lipetsk, 398020, Russia

© Zaitsev N. A., 2026

Введение

В начале 1930-х гг. советская держава оказалась в затруднительном положении. После мероприятий, связанных с попытками перевести экономику в русло плановой системы и приведших к кризису, страна нуждалась в мерах, позволявших вывести ее из этого состояния. В основном, конечно, кризис коснулся аграрной сферы. Ведь именно колхозная деревня стала ресурсной базой для проведения советского варианта модернизации. Между тем цена, заплаченная селом за модернизаторский рывок, была чрезмерно велика. Уровень жизни в деревне упал в два-три раза. Возникло положение, при котором крестьяне уже не могли, да и не хотели эффективно работать, зная, что цена за труд будет слишком низкой, что главной целью государства является выкачивание материальных средств из деревни.

Исправление данного положения легло на плечи работников политотделов – чрезвычайных органов власти, созданных в начале 1933 г. по итогам объединенного пленума ЦК и ЦКК. Помимо репрессивной и иных функций, на политотделы ложилась задача обеспечения условий для проведения посевной кампании 1933 г., что скажем, было отнюдь не легкой задачей, поскольку в момент создания политотделов в деревне бушевал голодный мор. В такой изначальной диспозиции политотделам предстояло наладить эффективную работу самих МТС, а также проследить, чтобы услугами МТС, то есть тракторным парком, активно пользовались колхозы, что могло поспособствовать более скорому выполнению «первой заповеди», а именно приоритетной и первоочередной поставке сельскохозяйственной продукции государству.

Материалы и методы

Проблемой функционирования политотделов МТС и совхозов занимались И. Е. Зеленин [6], А. С. Шевляков [25], В. В. Наухацкий [11], А. Г. Тепляков [23], О. Б. Мозохин, В. В. Кондрашин [8] и О. В. Бочарова [2]. Так или иначе деятельности политотделов в своих работах касались Н. Л. Роголина [22], В. Н. Томилин [24], Н. А. Ивницкий [7] и др. Опора на историческую литературу подкрепляет наши представления о деятельности чрезвычайных органов власти (политотделов МТС и совхозов) в разных регионах СССР.

Источниковую базу настоящего исследования составили политические сводки и донесения политотделов, отправляемые в политсектор областного земельного управления, располагавшийся в г. Воронеж. Подобный формат взаимодействия в виде регулярных сообщений в центр о ситуации в деревне позволял строго контролировать работу политотделов, добываясь от них максимально полного освещения предпринимаемых шагов. Из этого мы делаем вывод, что данный вид источников дает возможность анализа подлинного положения в кризисных районах Центрально-Черноземной области (далее ЦЧО), а также конкретных шагов по модернизации аграрного строя.

При написании статьи автор использовал сравнительно-исторический метод, позволивший взглянуть на мероприятия в массивах разных политотделов МТС, сопоставив опыт преобразований в разных районах Центрального Черноземья.

Результаты

К началу 1933 г. в СССР было создано 2466 МТС, которые объединяли 74,8 тыс. тракторов, 2,2 тыс. комбайнов и 1220 МТМ (машинно-тракторных мастерских – Н.З.) [1, с. 13]. В конце 1933 г. число МТС увеличилось до 2916, росло и количество тракторов – 123 200. Их обслуживало 234 987 трактористов, численность которых регулярно росла и в 1935 г. составила уже 495 500 [1, с. 38]. В ЦЧО даже до начала массовой коллективизации и механизации производства было около 3063 тракторов [13, л. 3]. Колоссальный прирост был возможен за счет тех стимулов, часто именно материального характера, которые применял штат политотделов за свой недолгий период существования. При том, что механизаторы по своему статусу

были колхозниками вплоть до 1953 г., таким образом удерживались именно колхозные кадры.

Довольно часто работники политотделов в самом начале своего функционирования фиксировали плачевное положение в массивах тех МТС, в которых им необходимо было наладить работу. Так, начальник политотдела Лебедянской МТС Подольский в мае 1933 г. докладывал политсектору ОБЛЗУ (областного земельного управления) ЦЧО и политуправлению Наркомзема СССР: «Плохое культурно-бытовое обслуживание трактористов по 6-му участку: трактористы жили в грязном помещении, не получают газет, плохое питание. По 4-му участку тоже плохо обстоит дело: не утеплена передвижная будка-вагончик, перебои с питанием, несвоевременный подвоз питания, плохое качество приготовления пищи» [19, л. 3]. Приступив к выполнению своих обязанностей, Подольский обнаружил, что в МТС нет условий для реализации намеченных задач, в связи с чем он адресует политдонесение начальнику Политуправления Наркомзема СССР Криницкому и начальнику Политсектора ОБЛЗу ЦЧО Косокину о содействии в вопросах завоза тракторов, грузовой и легковой автомашины, оборудования и инструментов, а также стройматериалов для постройки МТМ [19, л. 22].

В политдонесении Липецкого политотдела содержится сообщение о том, что «в большинстве же колхозов колхозники не имели никаких собственных запасов продовольствия, и мы были свидетелями физической невозможности для ряда колхозников выходить на работу из-за упадка сил от хронического недоедания» [22, л. 6]. Надо отметить, что политдонесения и отчеты начальников политотделов не являются самым достоверным источником о масштабах голода в кризисных районах СССР в 1933 г., вопреки мнению В. В. Кондрашина [10, с. 209]. По крайней мере, документы части политотделов ЦЧО не позволили составить представление о подлинных масштабах голода. Очевидно, что это стало следствием того обстоятельства, что Центральное Черноземье в меньшей степени поразил голод, и его масштабы были куда более скромными, чем на Украине или в Казахстане. Виктор Викторович сделал этот вывод, опираясь на данные политотделов из других регионов, например, Средне-Волжского края.

Все тот же Липецкий политотдел столкнулся с бесхозяйственностью на производственных участках МТС. «Инвентарь был не подобран, разбросан по многим местам, ржавел, портился» [22, л. 19]. Халатное отношение к работе могло проявляться и в отношении к лошадям. Это явление приобретает массовый характер, наблюдавшийся во многих колхозах. В массиве Добринского политотдела МТС при наличии 3161 лошади на начало 1934 г. 500 из них были больны чесоткой, «зачесами», а 4 %, или 129 лошадей, были вовсе не годны к работе. Кроме того, в большинстве колхозов массива наблюдались факты падежа (например, в середине июня 1933 г. падеж составил 99 лошадей! [16, л. 32]) или заболевания менингитом [16, л. 1–2]. Некоторые политотделы прибегали к особым мерам, позволяющие отчасти исправить положение и остановить массовый падеж тягла, а также пребывание части его в крайне ослабленном состоянии.

В рамках Лебедянского политотдела по состоянию на 26 марта 1934 г. находилось 2400 голов лошадей, 827 из них находились в состоянии ниже средней упитанности, близкой к едва удовлетворительному состоянию. Руководство политотдела приняло решение о введении паспорта для каждой лошади, в котором ежемесячно указывалось состояние животного. «При проверке комиссией делаются соответствующие отметки: например – лошадь слабая, немедленно ее освободить от всяких работ, усилить норму питания, улучшить уход и т.д. В результате этой работы удалось добиться – восстановить слабых лошадей и довести их до средней упитанности [20, л. 20–21]» – так резюмировал предпринятые меры начальник политотдела

Подольский. Подобная практика была характерна для многих политотделов ЦЧО, но трагедию, постигшую животноводство в начале 1930-х гг., было сложно компенсировать краткосрочными мерами. По состоянию на 1935 г. в Курской области численность лошадей составляла 341,5 тыс. голов, в то время как в 1928 г. была зафиксирована численность в 651 тыс. голов [4, с. 32]. Такая же ситуация фиксируется и в Воронежской области. Касалась она не только поголовья лошадей, но и крупного рогатого скота, овец и т.д. Подобная печальная статистика была возможна в результате насильственной коллективизации, отчуждения крестьян от продуктов своего труда, а также слома психологии частного собственника.

Вопросы обеспечения весеннего сева являлись ключевыми в деятельности политотделов. Доказательством этому служат политдонесения, в которых достаточное место уделяется агротехническим мероприятиям, например, сортовым посевам, применению удобрений, культивации паров и т.д., а также выполнению плановых показателей по посадке и возделыванию таких культур, как рожь, озимая пшеница, овес, просо, горох и чечевица. Администрация политотдела обращала внимание на условия проведения сева вышеуказанных культур, а также обстоятельства, препятствовавшие получению наилучшего урожая [22, л. 8–9].

В литературе обращается внимание на тот факт, что в начале 1930-х гг. в Советском государстве сложилось специфическое отношение к технике. Американские специалисты, участвовавшие в формировании промышленного потенциала СССР, подчеркивали халатное отношение к тракторам и комбайнам. Отсутствовала элементарная техническая культура. Отмечался слабый уровень подготовки механизаторских кадров. Руководители «Трактороцентра» считали, что ресурс техники должен быть выработан впервые годы эксплуатации, а затем трактор или комбайн должен быть списан. Такая «хищническая» психология привела тракторное хозяйство страны осенью 1932 г. к тяжелому кризису в виде простоя нескольких тысяч машин только за один месяц [12, с. 172–173]. Простои становились регулярными по причине отсутствия запчастей, топлива, а также неквалифицированной работы механизаторов. Например, в Васильевском свекловичном совхозе Касторненского района из 8 тракторов работали 4. Тяжелейшим было положением с живым тяглом, 50 % лошадей болели или были истощены [5, с. 237].

Кризис принял затяжной характер. Поэтому политотдельцы в первую очередь вмешивались в работу тракторного парка, для чего велись строгий учет и статистика наличествующей техники. Самыми распространенными видами тракторов были СТЗ и ХТЗ, «фордзоны» и так называемые «фордзоны-путиловцы». От эффективного использования тракторного парка напрямую зависело проведение основных агротехнических мероприятий и скорое завершение посевной, связанной с выполнением основных плановых показателей. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 июня 1933 г. «О распределении тракторов производства июня–июля и половины августа 1933 года» из 12 100 тракторов ЦЧО получила 1250 тракторов [9, с. 244]. Однако говорить о рациональном использовании техники в этот период не приходится, поскольку состояние тракторного парка заставляло политотделы браться за их организацию для приведения в сколько-нибудь удовлетворительное состояние. Так, начальник политотдела Липецкой МТС Татко отмечал, что, несмотря на наличие в парке 32 тракторов разных наименований (на декабрь 1933 г.), как минимум, два «фордзона» «пришли в негодность и требуют, по меньшей мере, смены блока мотора» [22, л. 12]. Однако в сочетании с тягловой силой, составлявшей 602 лошади, колхозы массива, по словам Татко, обеспечиваются неплохо. В массиве политотдела Красненской МТС к февралю 1934 г. капитальному ремонту подлежало 16 тракторов.

Сама проблема частых поломок двигателей на тракторах была одной из самых острых в начале 1930-х гг. Тракторная проблема представляла в виде «болевого точ-

ки», которая требовала разрешения. Однако, судя по всему, сам ресурс двигателей той поры был достаточно скромным. Это цифра в 500–1000 моточасов, которые трактора могли проходить до капитального ремонта. Сам ресурс зависел от бережности в эксплуатации техники. Поскольку число квалифицированных трактористов и работников МТМ было недостаточным, многие трактора не проходили и 500 моточасов. Это было также связано с перегрузками и недостатками отечественного производства. Многие модели были копиями зарубежных образцов. Сразу наладить производство качественной техники было практически невозможно. Тем более, что процесс становления массового промышленного производства был только на этапе становления. В то время был налажен массовый выпуск тракторов «фордзон-путиловец», СТЗ-1, ХТЗ-СХТЗ 15/30.

Наряду с нехваткой запчастей и прочего необходимого оборудования было проблематично в срок выполнять свои обязательства по хлебопоставкам. Многие начальники политотделов обращали внимание властей более высокого ранга на нехватку целой номенклатуры запчастей как для тракторов, так и для необходимого к ним оборудования. Руководство Добринского политотдела сообщало об основных причинах простоя техники в период необходимой уборки урожая: недостаток запасных частей, слабость технического надзора и низкое качество предупредительного ремонта. В связи с этим в период с 6 по 10 июня 1933 г. простой техники составил 711 часов по неисправности [16, л. 37]. Директор Лебедянской МТС сообщал о нехватке 46 наименований запчастей для молотилок БДС 34 [20, л. 51]. Такую же ситуацию можно обнаружить и в массивах других МТС, где наряду с тракторным парком на колхозных полях работали и лошади. В пользу низкого уровня механизации говорит факт использования колхозниками конных самодельных граблей. Также к работе привлекали и детей, которые убирали колосья под руководством взрослых [15, л. 25]. Архаичный порядок работы на колхозных полях дает понимание той картины, с которой столкнулись политотделы, когда приступили к своей работе с зимы-весны 1933 г.

Помимо прочего, многочисленные затруднения политотделов, если судить по документам, были связаны с недостаточным финансированием со стороны государства. Источники содержат массу подтверждений этого факта. Так, политдонесение начальника политотдела Красненской МТС содержит крайне показательный и пространенный пример халатного отношения государства к чрезвычайным органам. Об экономическом состоянии МТС говорилось, что «МТС не платила за январь месяц зарплату рабочим <...> Вся задолженность МТС выражается в 52 000 руб. Задолженность получилась потому что около 25 000 р. МТС из оборотных средств вложило в строительство кладовой и гаража, на что Облзернотрактором не переведено средств. И, во-вторых, не получая дотации со стороны государства за зерно, при наличии 16 тракторов доходная часть не могла покрыть расход по содержанию всего МТС. Поэтому МТС крайне необходима финансовая помощь» [15, л. 30].

Некоторые представители райкомов совместно с руководством политотделов МТС предоставляли отсрочки колхозным и единоличным хозяйствам по хлебозаготовкам, но только тем, кто успешно справился с обязательным государственным заданием. Так, члены бюро Добринского райкома совместно с руководством политотдела Хворостянской МТС предоставили отсрочку ряду колхозов по поставке в размере 2600 центнеров после заготовки обязательных 4000 центнеров, так как рядовым колхозникам на трудодень осталось 700–1200 грамм хлеба. Единоличникам предоставили отсрочку в размере 9625 центнеров до урожая 1934 г. [14, л. 237].

Практически каждый политотдел занимался организацией агротехнической учебы, предпринималось открытие курсов трактористов, длящиеся в основном от одного до трех месяцев, отдельно работали курсы для колхозных бригадиров, срок

обучения которых доходил до шести месяцев. Отдельно отметим, что появление курсов было следствием высокой текучки кадров из-за тяжелых условий труда и материальных затруднений. В одном из протоколов заседаний политотдела Добринской МТС встречается информация о том, что для борьбы с текучестью кадров предлагалось подобрать соответствующий контингент, «исключающий всякую возможность текучести» [15, л. 15]. Весьма значимой была проблема прогулов. В январе 1933 г. в массиве Добринской МТС прогулы составили 264 час. [16, л. 5]. Руководство политотделов регулярно обращало внимание на низкую квалификацию агроперсонала МТС [3, л. 1], поэтому и прибегало к обучению кадров в рамках, указанных выше курсов.

В пользу отдававшегося приоритета трактористам со стороны политотделов говорят предпринимавшиеся меры. В результате создавались условия для предотвращения оттока кадров из тракторных парков. Меры выражались, в основном, в предоставлении трактористам двух форм оплаты: натуральной и денежной. Например, в 1934 г. в массиве Лебедянского политотдела были приняты «нормы питания и гарантирующим минимум тракториста: принято 4 кг натурой и 2 руб. 50 коп. деньгами (в прошлом году было натурой 3 кг и денег 2 р. 50 к.)» [20, л. 30]. Начальник Липецкого политотдела не скрывал факт лучшего обеспечения работников-механизаторов продуктами, чем рядовых колхозников. Им выдавалась повышенная плата за трудодни, паек, а также предоставлялось питание в общественных столовых. Начальник политотдела Татко писал: «Постановление СТО о повышении расценки до 3-х трудодней за норму дало возможность обеспечить получение трактористами большего заработка, нежели рядовому колхознику. Это дает уверенность в том, что основные кадры трактористов мы сохраним, что является особенно важным в наших условиях, когда каждый тракторист может найти хорошо оплачиваемую работу на одном из липецких предприятий» [22, л. 17].

Начальник политотдела Измалковской МТС Кондаков приказывал Райпотребсоюзу организовать первоочередной отпуск товаров колхозникам-ударникам и трактористам МТС. При отпуске товаров на общественное питание избегать уравниловки и выдачу хлеба производить в первую очередь ударникам. Во время оказания медицинской помощи приоритет отдавать вышеуказанным категориям. Их же детей в первую очередь принимать в детские ясли. Им же выдавать лошадей для обработки усадеб или для личных нужд [21, л. 23].

С помощью указанных мер политотделам частично удалось остановить отток механизаторских кадров из колхозной деревни. Ю. В. Аругюнян фиксирует следующие данные: «Если до 1933 г. из МТС ежегодно выбывала почти половина механизаторов, в последующий период (1934–1939) в течение года выбывала примерно четверть механизаторов» [1, с. 47]. Снижение текучести с примерно 50 % до примерно 25 % являлось внушительным результатом, хотя и показывающим по-прежнему сложную кадровую обстановку.

В то же время дирекция колхозов репрессировалась политотделами за попытки авансировать рядовых колхозников. Так случилось в колхозе «Красная Нива» Троекуровского сельского совета, в котором первые обмолоченные 65 пудов ржи были розданы колхозникам в размере 4 килограммов на едока. Председатель и член Ревкомиссии Шальнев и Зайцев были арестованы и отданы под суд. В одном из колхозов Теплинского сельского совета председатель колхоза Клевцов скопил (лично?) два гектара ржи, произвел обмолот и раздал колхозникам по трудодням, заявляя: «Люди опухли с голоду. Голодных работать не заставишь» [18, л. 5–6]. С утверждением председателя колхоза спорить сложно. Однако политотделом Клевцов был привлечен к уголовной ответственности. Оправдывалось это будто бы тем, что Клевцов срезал рожь, не дождавшись спелости. Погружение в контекст дает иное пред-

ставление об истинных мотивах действий политотделов. Очевидно, что его работники стремились искоренить стремление первоочередного обеспечения пропитанием жителей колхозной деревни, памятуя о том, что в первую очередь собранный хлеб подлежит сдаче государству.

Для регулирования вопросов авансирования СНК СССР и ЦК ВКП (б) выпустили совместное постановление «О порядке выдачи авансов» от 26 июня 1933 г., в котором осуждалась практика «хаотической, беспорядочной, рваческой выдачи авансов и хищнической траты хлеба на так называемое общественное питание» [10, с. 225]. По мнению Сталина и Молотова, именно этот фактор обусловил срыв хлебозаготовительной кампании в 1932 г. В результате Совнарком и ЦК обязывали всю партийную (государственную) вертикаль выдавать авансы в строго организованном порядке и в строго установленных нормах, а именно «в размере 10 % фактически намолоченного хлеба с тем, чтобы этот процент повышался до 15 для хороших колхозов, добросовестно работающих и получивших хороший урожай» [10, с. 225]. Через политотделы в жизнь и повседневную хозяйственную практику проводилась мысль о том, что в первую очередь колхозники выполняют заготовки в пользу государства. Политотделы должны были их в этом убедить.

Заключение

Таким образом, подводя итоги, мы можем отметить, что политотделы МТС, вводимые в аграрном секторе в начале 1933 г., брали на себя обширнейшие функции. Не последней в этой связи была задача по механизации в сельском хозяйстве. Она была обусловлена высоким уровнем падежа тягла, которое фиксировалась в каждом колхозе, а также прослеживалась в документации политотделов. В стремлении компенсировать трагедию, постигшую животноводство, люди, входившие в штат политотдела, следили за лучшим материальным обеспечением механизаторов. От сохранения трактористов и комбайнеров в штате МТС зависела судьба весеннего сева и дальнейшей уборочной кампании. Положительным следствием работы политотделов стал тот факт, что «впервые в истории колхозной деревни хлебозаготовительные планы были выполнены не только по стране в целом, но и в отдельности каждой областью, краем, республикой (в том числе в рассматриваемых регионах) в рекордные для тех лет сроки: в 1933 г. – к середине декабря, а в 1934 г. – к 1 ноября» [9, с. 485]. Поэтому данный аспект работы политотделов может быть охарактеризован как позитивно повлиявший на стабилизацию положения в колхозной деревне.

Список источников и литературы

1. Арутюнян Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. (Формирование кадров массовой квалификации). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 341 с.
2. Бочарова О. В. Формирование и деятельность политических отделов МТС в казачье-крестьянских районах юга России: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бочарова Ольга Владимировна. Новочеркасск, 2016. 278 с.
3. ОКУ ГАОПИ КО (Областное казенное учреждение «Государственный архив общественно-политической истории Курской области»). Ф. 51. Оп. 1. Д. 1.
4. Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: стат. сб. М.; Л.: Госпланиздат, 1940. 219 с.
5. Загоровский П. В. Социально-политическое развитие сельского населения Центрально-Черноземного региона России во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Загоровский Павел Владимирович. Воронеж, 1999. 463 с.
6. Зеленин И. Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 42–61.
7. Ивницкий Н. А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933). М.: Ин-трос. истории РАН, 2000. 350 с.

8. Кондрашин В. В., Мозохин О. Б. Политотделы МТС в 1933–1934 годы. М.: Русская книга, 2017. 304 с.
9. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
10. Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 350 с.
11. Наухацкий В. В. Политотделы МТС Северо-Кавказского края и становление системы заготовок в сельском хозяйстве // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 383–393.
12. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2013. 283 с.
13. ОКУ ГАНИДЛС ЛО (Областное казенное учреждение «Государственный архив новейшей истории и документов по личному составу Липецкой области»). Ф. 23. Оп. 1. Д. 75.
14. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 36.
15. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 59. Оп. 1-Д. Д. 46.
16. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1.
17. Там же. Д. 3.
18. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5.
19. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 2.
20. Там же. Д. 3.
21. Там же. Д. 8.
22. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 2.
23. Роголина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М.: Изд-во МГУ, 1989. 222 с.
24. Тепляков А. Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. С. 173–185.
25. Томилин В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М.: АИРО-XXI, 2009. 400 с.
26. Шевляков А. С. Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве в Западной Сибири в 1930-е годы. Томск: Томск. гос. ун-т, 2000. 226 с.

References

1. Arutyunyan, YuV 1960, *Mekhanizatory selskogo khozyaystva SSSR v 1929–1957 gg. (Formirovaniye kadrov massovoy kvalifikatsii)* (Mechanizers of the USSR agriculture in 1929–1957 (Formation of mass qualified personnel), Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow. (InRuss.)
2. Bocharova, OV 2016, *Formirovaniye i deyatelnost politicheskikh otdelov MTS v kazachye-krestyanskikh rayonakh yuga Rossii* (Formation and activity of MTS political departments in the Cossack-peasant regions of southern Russia), PhD thesis, Novocherkassk. (In Russ.)
3. *Oblastnoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Kurskoy oblasti* (GAOPIKO) (Regional State Institution State Archive of Socio-Political History of the Kursk Region), fund 51, inventory 1, file 1. (In Russ.)
4. *Zhivotnovodstvo SSSR za 1916–1938 gg.* (Livestock farming of the USSR for 1916–1938) 1940, Gosplanizdat publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
5. Zagorovsky, PV 1999, *Sotsialno-politicheskoye razvitye selskogo naseleniya Tsentralno-Chernozemnogo regiona Rossii vovtoroy polovine 1920-kh – pervoy polovine 1930-kh gg.* (Socio-political development of the rural population of the Central Black Earth region of Russia in the second half of the 1920s – first half of the 1930s), doctoral thesis, Voronezh. (In Russ.)
6. Zelenin, IE 1992, 'Politotdely MTS – prodolzheniye politiki «chrezvychayshchiny»' (Machine and tractor station political departments. Continuation of the 'emergency' policy), *Otech-*

- estvennaya istoriya* (Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History), no. 6, pp. 42–61. (In Russ.)
7. Ivnitkiy, NA 2000, *Repressivnaya politika Sovetskoy vlasti v derevne (1928–1933)* (Repressive policy of the Soviet power in the village (1928–1933)), In-t ros. ist. RAN publ, Moscow. (In Russ.)
 8. Kondrashin, VV & Mozokhin, OB 2017, *Politotdely MTS v 1933–1934 gody* (The machine and tractor station political departments in 1933–1934), Russkaya kniga publ, Moscow. (In Russ.)
 9. Kondrashin, VV 2008, *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni* (The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian countryside), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
 10. Kondrashin, VV 2014, *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki I eyo rezultaty (1929–1933 gg.)* (Grain procurement policy during the first five-year plan and its results (1929–1933)), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
 11. Naukhatskiy, VV 2014, 'Politotdely MTS Severo-Kavkazskogo kraya istanovleniye sistemy zagotovok v selskom khozyaystve' (Political departments of machine and tractor station of the North Caucasus region and the formation of the system of procurement in agriculture), *Yezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy* (Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe), no.1, pp. 383–393. (In Russ.)
 12. Nefedov, SA 2013, *Agrarnyye i demograficheskiye itogi stalinskoy kollektivizatsii* (Agrarian and demographic results of Stalinist collectivization), TGU im. G.R. Derzhavinapubl, Tambov. (In Russ.)
 13. *Oblastnoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii i dokumentov po lichnomu sostavu Lipetskoj oblasti* (OKU GANIDLS LO) (Regional State Institution State Archive of Modern History and Documents on Personal Composition of the Lipetsk Region), fund 23, inventory 1, file 75. (In Russ.)
 14. OKU GANIDLS LO, fund 41, inventory 1, file 36. (In Russ.)
 15. OKU GANIDLS LO, fund 59, inventory 1-D, file 46. (In Russ.)
 16. OKU GANIDLS LO, fund 241, inventory 1, file 1. (In Russ.)
 17. OKU GANIDLS LO, fund 241, inventory 1, file 3. (In Russ.)
 18. OKU GANIDLS LO, fund 245, inventory 1, file 5. (In Russ.)
 19. OKU GANIDLS LO, fund 246, inventory 1, file 2. (In Russ.)
 20. OKU GANIDLS LO, fund 246, inventory 1, file 3. (In Russ.)
 21. OKU GANIDLS LO, fund 246, inventory 1, file 8. (In Russ.)
 22. OKU GANIDLS LO, fund 412, inventory 1, file 2. (In Russ.)
 23. Rogalina, NL 1989, *Kollektivizatsiya: uroki proydenogo puti* (Collectivization: lessons learned along the way), Izd-vo MGU publ, Moscow. (In Russ.)
 24. Teplyakov, AG 2002, 'Institut zamestiteley nachalnikov politotdelov po rabote OGPU-NKVD v MTS i sovkhovakh Sibiri v seredine 1930-kh gg.' (Institute of deputy heads of political departments for the work of the OGPU-NKVD in MTS and state farms of Siberia in the mid-1930s), *Ural i Sibir v stalinskoy politike* (The Urals and Siberia in Stalinist politics), Novosibirsk, pp. 173–185. (In Russ.)
 25. Tomilin, VN 2009, *Nasha krepost. Mashinno-traktornyye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoyenny period: 1946–1958 gg.* (Our fortress. Machine and tractor stations of the Chernozem Center of Russia in the post-war period: 1946–1958), AIRO-XXI publ, Moscow. (In Russ.)
 26. Shevlyakov, AS 2000, *Politotdely MTS i sovkhovov: chrezvychaynyye partiynogosudarstvennyye organy pravleniya v selskom khozyaystve v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* (Political departments of machine and tractor station and state farms: extraordinary party-state management bodies in agriculture in Western Siberia in the 1930s), Tomskiy gos. un-t publ, Tomsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026
Одобрена после рецензирования: 02.03.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 20.01.2026
Approved after reviewing: 02.03.2026
Accepted for publication: 08.06.2026